

О НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

КОЧЕГАРОВА
Тамара
Михайловна

- ◆ кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

В канун 20-летия российских экономических реформ в научном сообществе развернулись дискуссии об итогах кардинальных преобразований. Одним из предметов научных диспутов является вопрос о гражданском обществе: сформировано ли в нынешней России гражданское общество или, по крайней мере, созданы ли условия для его возникновения.

Исторический опыт показывает, что для формирования зрелого гражданского общества необходим временной период, включающий жизнь не одного, а двух или более поколений. Гражданское общество — это категория не столько политологическая, сколько культурологическая. Первым и главным условием для того, чтобы построить гражданское общество, является наличие граждан, т.е. людей с гражданским самосознанием.

Существует и другое заблуждение, связанное с традиционным для российского массового сознания смешиванием таких категорий, как общество и государство. Здесь следует сослаться на американского социолога Р. Патнэма, подчеркивающего, что «гражданское общество не самоцель, а лишь необходимый механизм, позволяющий обществу сосуществовать с государством и охранять свои интересы, когда государство перестает полагать себя инструментом и начинает обольщаться собственной самодостаточностью»¹.

Меньше всего процессы, связанные с формированием гражданского общества, поддаются декретированию. Нельзя постановлениями создать новый образ мысли и психологию чело-

века, иное отношение к себе как к личности, как субъекту гражданского общества в различных его ипостасях: экономической, политической, социальной, культурной, этической. Еще со времен «Опыта о человеческом разуме» Джона Локка известно, что демократия — не только форма общественного управления, но и феномен массового сознания, основанный на принятии определенной системы ценностей². А понятие «частная собственность», так же как и тесно связанное с ним «средний класс», существенно глубже, чем просто «обладание капиталом». Оно означает обладание тем личным социальным пространством, за черту которого заходить никому, в том числе и государству, нельзя, т.е. строгую очерченность индивидуальности. Эта граница в правовом государстве табуирована всем комплексом его элементов. Свободная от государства частная собственность является социально-экономическим фундаментом демократии, гарантией разделения собственности и власти. Исторический опыт подтверждает, что демократия и частная собственность неразрывно связаны, так как собственность есть в то же время и источник уважения к другим, ответственности и готовности к компромиссу. Благодаря собственности люди имеют возможность обсуждать свои разногласия, избегая присущих люмпенам отчаяния и экстремизма — главных разрушителей демократии.

В то же время частная собственность — это и определенное экзистенциальное отношение, отношение даже не к вещи (неважно, какая это вещь — материальная, например собственный компьютер, или духовная, например собственная компьютерная программа), а к другому человеку через вещь. Следовательно, нельзя отрывать экономическую составляющую понятия «собственник» от социально-психологической. Относясь так или иначе к вещи, человек определяет свое отношение к другому. Вступая с другими в экономические отношения, собственник вступает прежде всего в нравственные отношения, т.е. понятие «частная собственность» содержит в себе и важный этический элемент. В своей «Философии права» Гегель в разделе «Гражданское общество» утверждает *первым принципом* гражданского общества индивида, «конкретное лицо, которое есть для себя как особая цель, как целостность потребностей

¹ Putnam R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.Y. 1993. P. 124.

² Локк Дж. Избранные философские произведения в 2-х т. Т. 2. М., 1960. С. 194–195.

и смещение природной необходимости и произвола, но особенное лицо, как существенно соотносящееся с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость и удовлетворяется только как опосредованное другой особенностью и вместе с тем как всецело опосредованное только формой *всеобщности, другим принципом* гражданского общества»¹, и подчеркивает, что «в гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу»². Здесь Гегель указал на оптимальность отношений личности как совокупности социальных связей принадлежащего ей пространства и границ этого пространства в социуме. Имея в виду эту функцию частной собственности и связанные с ней противоречия, Л. Мизес писал, что «частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является прежде всего общественным институтом, служащим добру и выгоде общества, несмотря на то, что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых»³. Частная собственность утвердилась на Западе и получила признание именно потому, что она служит не только частному, но и общему благу. Наконец, в правовом обществе собственник есть субъект свободы. В этом суть отношений либерального демократического государства. Поэтому понятие собственности нельзя сводить к критерию уровня потребления.

Таким образом, социально-политическая компонента понятия «собственник» является самой приоритетной для формирования современного гражданского общества. За 20 лет до Гегеля в подготовленном графом Н.С. Мордвиновым указе от 12 декабря 1801 г. было написано: «Лишить собственности... есть нарушить первый закон, коим благоустроенное правительство отличается от насильственного... Собственность есть первый камень. Без оной и твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в отечестве, ни в государстве»⁴. В этом документе Н.С. Мордвинов справедливо и дальновидно полагал «пред-

варить освобождение крепостных» созданием в России прочного статуса гражданина.

Людвиг Эрхард, заложивший основы современной экономической системы в Германии, охарактеризовал в 1954 г. средний класс как «людей, которые готовы нести за себя ответственность и обеспечить свое существование собственным результативным трудом. Качественными признаками достоинств среднего класса являются чувство собственного достоинства, независимость взглядов, самостоятельность, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире»⁵. Он напоминает, что класс — образование долговременное. Именно этот фактор формирует у представителей среднего класса долговременные, а не сиюминутные интересы.

Эдгар Сависаар, много сделавший для социально-экономического развития Эстонии, считает, что для среднего класса характерны следующие черты: относительно высокое качество жизни, уверенное и стабильное социальное положение, высокий уровень образования и хорошая подготовка по специальности, высокий уровень конкурентоспособности на рынке труда, хорошая информированность о происходящем в обществе, политический скептицизм, умение самостоятельно анализировать и обобщать информацию, эффективная самореализация в обществе, активное воздействие на значимые социальные процессы, чувство гражданской ответственности, ориентация не только на себя и свою семью, но и на общество в целом⁶. То есть и в том и в другом случае авторы подтверждают выводы Гегеля: в их определении сущности среднего класса акцентируется не столько экономическая, сколько социально-политическая компонента понятия «средний класс».

Таким образом, средний класс, в его строгом, классическом содержании, составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но и носители базовых ценностей гражданского общества — личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, которые и делают средний класс основой гражданского общества.

¹ Георг В.Ф. Гегель. Философия права. М., 1990. С. 227.

² Там же. С. 228.

³ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1995. С. 35.

⁴ Цит. по: Туманов Б. Физиология отечественной реальности // Новое время. 2005. № 27. С. 9.

⁵ Эрхард Л. Благосостояние для всех. Таллинн, 1998. С. 108.

⁶ Сависаар Э. Верю в Эстонию. Таллинн, 2003. С. 145.

Одна из методологических ошибок российских реформаторов в 1992 г. заключалась в том, что отношения собственности изначально рассматривались ими лишь в сугубо экономической плоскости. Шлейф применения узко-профессиональных дефиниций тянется до сегодняшнего дня с того времени, когда наши видные экономисты, давая определение среднему классу, исходя из простейшего критерия: например, 2 автомобиля на одну семью¹, что автоматически делает любого «братка» из солнцевской или тамбовской мафии столпом гражданского общества. К сожалению, важнейший признак принадлежности к среднему классу — социально-политический, у нас во внимание не принимается не только экономистами, но и многими социологами². В этом можно видеть еще одно проявление курса на идеологизацию экономических реформ, о которой писал академик А. Некипелов³. Отсюда многочисленные российские парадоксы. Санкт-петербургские социологи отмечают, что многие респонденты относят к представителям среднего класса не учителей, инженеров, юристов, врачей, а исключительно владельцев частного бизнеса, собственников, так как люди без образования зарабатывают значительно больше, чем образованные⁴.

Ущербность узкоэкономического подхода к определению понятия «общественный класс» вообще, и «средний класс» в частности, ощущают многие социально мыслящие экономисты. «Для того чтобы средний слой выполнял функцию социального стабилизатора и источника социального развития, недостаточно условия его массовости, — пишут Е.М. Аврамова, О.А. Александрова и Д.М. Логинов. — Важно, чтобы этот слой выполнял полный набор политэкономических функций»⁵. В перечне этих функций они называют законопослушность и независимость представителя этого слоя, поддержку институтов гражданского общества, интегрирующих и отстаивающих его интересы на политическом уровне.

Само понятие «благополучие» в современных условиях оказывается не вполне адекватным, если его ограничивать строго экономическим подходом. Этот термин как социальный индикатор все чаще и чаще уступает более

точному — «качество жизни». Критерий доходов и связанный с ним критерий потребления в настоящее время вытесняется другими — свобода, творчество, безопасность, наличие благоприятной социальной среды, возможность распоряжаться своим временем.

Приоритет экономического базиса над социальной (психологической, политической, идеологической) надстройкой, индоктринированный в общественное сознание примитивно понимаемым марксизмом, оказался весьма востребованным реформаторами, которые на этом формальном и некорректном основании акцептируют наличие в современном российском обществе среднего класса. Действительно, материально обеспеченных людей в нынешней России не менее 6–7% в общем балансе населения. Но может ли даже высокопоставленный чиновник, берущий взятки, или крупный предприниматель, дающий их или, точнее, вынужденный их давать, считаться гражданином в строгом общественно-политическом значении этого слова? И тот, и другой несвободны. Они не столько граждане, сколько верноподданные власти, точнее, повязанные с ней поделщики. Но «даже не взяточник, не подхалим, а добросовестный чиновник, твердящий про лояльность президенту как высшую ценность, — замечает в этой связи Борис Акунин, — тоже никакой не государственный — он вассал. А если власть идет неверным путем, если действует во вред государству?»⁶ Парагвайский диктатор Альфредо Стреснер как весьма искушенный знаток латиноамериканского варианта капитализма справедливо подметил, что коррупция порождает сопричастность, сопричастность — преданность, преданность — пресмыкание. И чем сильнее коррупция, тем больше средств давления на тех, кого сегодня так охотно и так необоснованно относят к среднему классу. Никаких общественных функций за полученной собственностью нынешняя российская номенклатура не признает. Криминальная приватизация по определению не могла создать условия для появления среднего класса. Нынешний класс российских собственников так же далек от классического среднего класса, как далека блатная «феня» от русского литературного

¹ Это популярное в экономических кругах определение высказал бывший министр финансов РФ проф. А. Лифшиц в своём интервью радиостанции «Эхо Москвы» 27 сентября 2002 г.

² См., например: Рывкина Р.В. Эксперты о среднем классе. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень. 1993. № 10; Алексич М. Социология и менеджмент. М., 1994.

³ См. Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 302.

⁴ Герасимова М.В., Громова Е.И., Шпаро К.И. Автопортрет среднего класса в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 173.

⁵ Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки. /Отв. ред. академик Д.С. Львов. М., 2004. С. 244.

⁶ Огонёк, 2005, 18 февраля.

языка¹. «Нынешний российский собственник, — подчеркивает проф. С.С. Дзарасов, — является носителем криминального, а не рационального типа сознания... Наша сегодняшняя трагедия состоит в том, что богатства оказались в собственности криминального класса, который способен захватывать чужое добро, но не способен созидать. При этом он сознает незаконность сделанных им приобретений и, обладая уголовной психологией, смотрит на собственность других отнюдь не с уважением, как принято в цивилизованном обществе, а так, как принято в уголовной среде, т.е. как на очередную желанную добычу. Психология криминального собственника такова, что он не может не воровать»².

Разумеется, социально-политический признак среднего класса не является столь актуальным для западного общества, давно вышедшего на такой уровень гражданской зрелости, которая становится гарантией устойчивости всей демократической общественной системы. Английская Хартия Вольностей, зафиксировавшая незыблемость института частной собственности, датируется, как известно, XIII в. Формирование гражданского общества и правового государства для Западной Европы — это давно решенные и уже забытые проблемы. Но для постсоветских государств социально-политический критерий является определяющим и не принимать его в расчет в переходный от тоталитарного к гражданскому обществу период оказывается серьезной методологической ошибкой. Здесь определяют не количественные, а качественные характеристики. Так, проблема переходных постсоветских обществ заключается отнюдь не в ограничении прав на участие в выборах, а в том, как это право реализуется. Насколько переходные процессы сделали общество демократическим. Существует ли эффективный социальный контроль за поведением власти. «Если же каждый голосует, — пишет Э. Фромм, — а подсчет голосов ведется нечестно, или же, если голосующий боится проголосовать против правящей партии, — страна недемократична»³. Поэтому если анализировать эту весьма популярную проблему, то в нынешней России пока еще не созданы условия для формирования среднего класса в строгом смысле этого понятия. Представляется социологически обоснованной позиция тех ис-

следователей, которые считают, что «наличие среднего слоя есть характеристика не только и не столько жизненного уровня той или иной, большей или меньшей части общества, а скорее — ступени социально-экономического развития общества»⁴.

Новые российские капиталисты исходят из того, что общего блага не существует вообще, а следовательно, он не имеет к этому никакого отношения. Все попавшее в его руки российский современный собственник рассматривает как свою добычу и личную привилегию, считает проф. С.С. Дзарасов. «Этим он отличается от своего западного двойника, — пишет он далее, — который признает, что частная собственность необходима не только для частного присвоения, но и для выполнения определенных общественных функций. Без этого она всегда будет объектом общественного посягательства и не сможет остаться неприкосновенной»⁵. Собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она вызывает уважение в обществе. Именно тогда частная собственность становится экономической основой гражданского общества. Но подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1990-х годов.

Реформаторам в странах Восточной Европы и странах Балтии удалось в значительной мере избежать тех ошибок, которые совершили российские реформаторы. Несмотря на то что условия либерализации и демократизации (традиции частной собственности, менталитет населения, удельный вес самостоятельных индивидов в обществе) в этих странах были более благоприятными, чем в России, там **одновременно** происходили процессы реформирования и государства, и общества. Вместе с проведением экономических реформ в этих странах настойчиво стимулировались процессы развития гражданских институтов — добровольных политических, экономических, профессиональных, культурных и территориальных объединений граждан, составляющих организационный каркас гражданского общества. Без развития этого промежуточного между «верхами» и «низами» уровня социальной организации общества нельзя осуществлять полноценный диалог между властью и народом. Деятельность этих институтов, в том числе политических партий, независимых профсоюзов, многочисленных обще-

¹ В этом плане показательна лексика нынешней российской власти — это лексика уголовников. Они говорят «откат», «крышевать», «кинуть», и, наконец, знаменитое «мочить».

² Теория капитала и экономического роста / Под ред. проф. С.С. Дзарасова. М., 2004. С. 250–254.

³ Фромм Э. Здоровое общество. М., 1998. С. 296.

⁴ Гуманистические ориентиры России. М., 2002. С. 334.

⁵ Теория капитала и экономического роста. С. 249.

ственных организаций, свободных средств массовой информации, выполняющих роль социального мезоуровня в политической коммуникации между властью и населением, обеспечивала ориентирование общественного сознания на принятие и усвоение всего спектра либерально-демократических ценностей, а не только на его сугубо экономическую часть. В России этот социальный мезоуровень еще не сложился.

Тем не менее российские масс-медиа демонстрируют уверенность в наличии среднего класса (именно класса, а не среднего потребительского слоя!) в социальной структуре нашего общества. «Почему же в российской политической публицистике, вообще в политическом лексиконе так много упоминаний о среднем классе, который то ли уже существует, то ли должен быть форсированно создан, чтобы образовать основной стержень демократического общества? — задает вопрос проф. А. Галкин. — Видимо, к числу причин этого следует отнести, наряду с прочим, сменившие знак рудименты прежнего мифологизированного сознания. С советских времен в этом сознании застряло представление, согласно которому в обществе должна существовать массовая социальная группа, составляющая опору существующего политического режима. В свое время ею считался рабочий класс. Теперь у нового режима должна появиться своя социальная опора — средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается — то в крайнем случае придумать»¹. Педалирование темы среднего класса в официальной лексике властных структур и контролируемых ими масс-медиа порождает один из многих фантомов, призванных демонстрировать достижения экономических реформ. Подгонка дефиниций под задачи дня — традиционный метод социальной регуляции массового сознания. Еще П. Бурдьё отмечал, что уже «само обозначение социальных групп является эффективным механизмом управления массового поведения»². Достаточно вспомнить недавнюю пресловутую «прослойку» между двумя «полноценными» классами в СССР. Это политическое клише не только указывало для интеллигенции место в социальной структуре, но и заранее дезавуировало ее претензии на социальное творчество. Таким образом, власть, наклеивая достаточно обидный, если не сказать, презрительный, ярлык на самую независимую и, следовательно, опасную для власти часть общества, предусмотрительно снижало ее социально-психологический статус в обще-

стве. И, надо сказать, не напрасно. В процессе перехода СССР в постиндустриальную стадию в его социальной структуре в 1970–1980-е годы произошли значительные изменения, сопровождавшиеся эволюцией государственного контроля за обществом. В распоряжении государственной машины уже не было тех средств для организации тотального давления на массовое сознание, которыми оно располагало до середины 1950-х годов. Красноречивым свидетельством этого является импульс к аккумуляции демократических идей в общественном сознании, произошедший в 1960-х годах и получивший название «оттепель». Уже тогда стали накапливаться, если не элементы, то определенные предпосылки образования гражданского общества — появление большого слоя преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. А к началу 1990-х годов сложился достаточно представительный средний класс, не только активный политически (масштабы митингов в Москве, Ленинграде, Свердловске и других городах это наглядно показали), но и обеспеченный экономически (что подтвердило кооперативное движение конца 1980-х годов). В этот класс входили многочисленные группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих. Их интеллектуальный и творческий потенциал в масштабах общества был никак не меньше, чем в странах Восточной Европы, не говоря уже о Латвии, Литве или Эстонии. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и соответствующее чувство собственного достоинства, способность противостоять внешнему давлению. Особенно был заметен этот слой в крупных промышленных городах, и здесь Россия имела безусловное преимущество не только перед другими союзными республиками, в том числе и республиками Прибалтики, но и перед социалистическими странами Восточной Европы. В отличие от восточноевропейских стран и Прибалтики Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и др., которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Но в строительстве новой России реформаторами не был задействован иннова-

¹ Галкин А. Тенденции изменения социальной структуры. // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 88.

² Bourdieu P. La Reproduction. Elements pour une theorie du systéme d'enseignement. P., 1970. P. 109.

ционный кадровый потенциал. Более того, именно этот слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. От него российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство его представителей были выброшены на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий и других высокообразованных профессионалов. Не меньшее количество представителей этого слоя эмигрировали за рубеж. Таким образом, один из самых главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству — творческий ресурс населения — вместо того, чтобы быть использованным, оказался в России во многом дискредитированным и разрушенным. А возможности гражданской инициативы населения России после распада СССР не только не расширились, но даже сузились, в результате чего вопрос о формировании среднего класса переходит в чисто теоретическую плоскость.

Однако индоктринирование в массовое сознание стереотипизированных понятий, к которым относятся и понятия, обозначающие социальные группы, является одним из эффективных рычагов идеологического воздействия. Конкуренция за продвижение «своих» интерпретаций понятий в символическом пространстве является идеальным отражением реального межгруппового взаимодействия, в ходе которого идет постоянная борьба за реализацию «своего» варианта общественного развития¹. Именно отсюда, на мой взгляд, проистекают усилия со стороны правящей номенклатуры во что бы то ни стало утвердить наличие среднего класса в современной России. «При отсутствии в России среднего класса, — отмечает в этой связи директор Института экономики член-корреспондент РАН Р. Гринберг, — почти половина населения отождествляет себя со средним классом — то есть более или менее довольны жизнью, что еще больше укрепляет уверенность власти в правильности своего поведения»².

Действительно, под замещением понятия «среднее потребление» понятием «средний

класс» имеется вполне определенная идеологическая основа. Этот фантом можно использовать в общественном мнении как некий положительный итог экономических реформ. Но потребительская серединка, и та, которая существует реально, и та, которая себя таковой осознает, не составляет никакого класса, справедливо замечает создатель ВЦИОМ проф. Ю.А. Левада, и не может им быть. «Искусственно создать, вырастить такой (или какой-либо иной) «класс» невозможно, да и не нужно. Если нынешнему российскому обществу недостает стабильности и — особенно — уверенности в будущем (в будущей стабильности), то это не потому, что в нем мало «средних», а потому, что в нем нет **структуры**, которая связывает в одно общественное целое людей разных профессий, слоев и состояний, задает правовые и моральные рамки социального действия, иначе говоря, превращает *человеческое множество в народ*, а стабильную инертность «середины» — в динамическую устойчивость мобильной развивающейся структуры»³. «Средний» человек, который стремится выжить, оставаясь средним, фактор той стабильности, — пишет дальше Ю. Левада, — которой, фигурально выражаясь, обладает лежащий камень или стоячее болото. В обществе такая стабильность недостаточна и ненадежна: если люди хотят просто выжить, они будут готовы адаптироваться к любому режиму и любой его перемене. Устойчивость общества и тем более общественного прогресса не может опираться на пассивное терпение большинства. Общество стабильно, когда оно организовано, когда люди и группы знают и умеют отстаивать свои права, ориентироваться на более высокие образцы, когда есть место для «середины», но и есть механизм, который может преодолеть ее ограниченность»⁴.

Именуя средний потребительский слой населения средним классом, многие журналисты, как, впрочем, и некоторые отечественные политологи, вносят путаницу в категориально-понятийный аппарат общественнознания. В любом, даже самом неразвитом обществе существуют те, кто потребляет больше, и те, кто меньше. И, естественно, между ними находится средний потребительский слой, что фиксирует государственная статистика. Но средний потребительский слой — весьма зыбкая социальная прослойка, что особенно характерно для переходных об-

¹ Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 46–47.

² Гринберг Р. Философия кубышки. Российская экономика: промежуточные итоги // Свободная мысль. 2004. № 4. С. 109.

³ Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 304.

⁴ Там же.

ществ. В силу тех или иных колебаний, например рыночной или политической конъюнктуры, часть среднего потребительского слоя может или выпасть в нижний потребительский слой, или, наоборот, подняться вверх. В отличие от общественного класса (социальная категория) потребительской слой (статистическая категория) устойчивостью не обладает, а потому выполнять функцию основы общества как средний класс не может. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся стабильное социальное образование. Это — принципиально разные общественные категории¹.

Трудно предполагать у нынешних российских собственников развитого гражданского самосознания, и прежде всего ответственности за свою страну, какие-то политические взгляды. «За прошедшие 15 лет (за исключением редких особей) в России так и не появился класс создательной буржуазии, — пишет бывший помощник первого президента России Вячеслав Костиков. — Класс, осознающий как свои права, так и обязанности. Большинство «деловых людей» застряли в роли перекупщиков, спекулянтов, рейдеров, теневиков, биржевых игроков, мастеров «слияний и поглощений» и организаторов иных сомнительных услуг. И для них, чем меньше законов ведения бизнеса, тем лучше. Поэтому в России и нет ни одной настоящей буржуазной партии»². «В нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные, — фиксирует проф. О. Гаман-Голутвина. — Это в равной степени характеризует и население и представителей нового правящего класса»³.

Наличие среднего потребительского слоя требует изучения возможностей и вероятности превращения его в полноценный класс, но для этого, справедливо полагают многие исследователи, необходимы такие важные условия, как модернизация и структурные преобразования экономики, изменение психологии, формирова-

ние определенных мировоззренческих характеристик, новых стереотипов социального и политического поведения, т.е. для созревания среднего класса требуется достаточно длительный период. «Только совокупность перечисленных компонентов может выступить одним из факторов «превращения» индивидов, занимающих срединные положения в социальных иерархиях, в представителей среднего класса»⁴. На необходимость учета как объективных, так и субъективных, как стратификационных, так и нестратификационных критериев принадлежности к среднему классу указывают многие социологи⁵. Что же касается удельного веса среднего потребительского слоя в России, то в реальности он не столь статистически значим, как это настойчиво индоктринируется российскими СМИ.

Социальная структура российского общества, при крайней малочисленности среднего потребительского слоя, резко поляризована и несбалансированна. Доля населения, живущего ниже официального уровня бедности, превышает 40%, а в отдельные годы достигала 50%. Поскольку перераспределение доходов опережает рост экономики и ВВП, адекватного снижения уровня бедности в настоящее время не происходит. И отмечаемый с 2000 г. официальной статистикой 10%-й рост реальных доходов россиян в основном касается небедных граждан. Так, с апреля 2003 г. по апрель 2004 г. в группе богатых граждан рост среднемесячной прибавки составил 3300 руб., а в группе бедных — всего 116 руб.⁶, т.е. богатые становятся богаче, а бедные беднее. Соотношение доходов двух крайних децильных групп населения России составляет 18:1 (хотя 10:1 считается уже критическим), а с учетом оплаты наличными в высокооплачиваемой сфере эта пропорция еще более возрастает. В Москве разрыв и вовсе достигает 45 раз (45:1)⁷.

Различные социологические службы, определяя долю среднего потребительского слоя, оперируют величинами от 15 до 30% общего количества населения страны, но эти цифры достаточно условны. Можно указать на один пока-

¹ См. об этом подробнее: *Симолян Р.Х.* Средний класс в современной России: миф или реальность? // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1; *Социальный мираж среднего класса // Социологические исследования.* 2009. № 1.

² *Костиков В.* Российский бизнес ещё не осознаёт себя как созидательный класс // *АИФ.* 2007. № 29.

³ *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // *Куда идёт Россия? Власть, общество, личность.* М., 2000. С. 172.

⁴ *Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоёв в современной России // *Социологический журнал.* 2000. № 1–2. С. 101.

⁵ См., например: *Беляева Л.А.* «Новые средние» в России // *Свободная мысль.* 1998. № 7; В поисках среднего класса // *Социологические исследования.* 1999. № 7; *Умов В.И.* Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом // *Политические исследования.* 1998. № 4.

⁶ *Роик В.Д.* Основы социального страхования. М., 2005. С. 104.

⁷ См. *Шарин В.* Можно ли прекратить воспроизводство бедности? // *Человек и труд.* 2005. № 7. С. 25.

затель, пожалуй, наиболее адекватно отражающий соотношение «состоятельные» и «остальные». Это — количество граждан, имеющих заграничный паспорт, т.е. тот социальный слой, представители которого или совершают зарубежные поездки, или, по крайней мере, надеются их осуществить. Таких в России в декабре 2009 г., по данным МВД РФ, было около 10 млн человек¹, что не мало — взрослое население средней европейской страны. Но ведь это всего 7% (!) общего количества населения России. Весомость этого показателя в его объективности и конкретности. Сюда включены и те, кто имеет загранпаспорт, но никогда им не воспользовался и не воспользуется, и те, кто раз или два съездил в отпуск в Турцию или Египет, где отдых на море намного дешевле, чем в России или на Украине.

Эта цифра коррелирует с данными Росстат за 2009 г. о 4,8 млн семей, годовой доход которых составил не менее 30 тыс. долл. США. Если принять во внимание, что состав семьи сегодня составляет в среднем по стране 2,4 человека, то к категории состоятельных можно отнести 11 млн человек. Осенью 2009 г. ВЦИОМ проводил исследование, касающееся летнего отдыха россиян. Выяснилось, что 19,6% отдыхали на даче, 3,2% — на черноморском побережье России, 4,1% — в «ближнем зарубежье» (СНГ) и только 1,3% — «в дальнем зарубежье» (за границей). Согласно этому исследованию, чаще других за границу выезжали жители Москвы и Санкт-Петербурга². Можно привести еще один не менее конкретный и красноречивый показатель, характеризующий нынешнюю социальную структуру населения России. В 2009 г. из 143,8 млн жителей нашей страны имели акции лишь 985 тыс, что составляет менее 0,7% населения России³. То есть нынешний российский фондовый рынок существует отдельно от россиян. Здесь стоит напомнить, что в 1992 г. реформаторы дружно обещали россиянам массовый слой акционеров. По данным Левада-Центра, в июне 2008 г. (т.е. в период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум население оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводят концы с концами и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% баланси-

руют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду⁴. Чл.-корр. РАН проф. Н.М. Римашевская считает, что в результате экономических реформ 1990-х годов «проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи, падения уровня экономического развития и вследствие этого — жизненно-го уровня населения в целом. Бедной становится страна в целом»⁵. К такому же выводу относительно оценки социальных результатов реформ приходят и другие ведущие экономисты. «В РФ возникла уникальная категория “новых бедных”, — считает академик С.Ю. Глазьев, — те группы *работающего* населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными»⁶.

Когда социологические опросы фиксируют статистические группировки респондентов, относящих себя к среднему потребительскому слою или даже к среднему классу, то здесь следует учесть важное обстоятельство. Какие функции выполняет идентификация со средним классом в современной России? Для большей части россиян, которые относят себя к средней части социального пространства, в то время как их материальный и социальный статус далек от «средней планки», подобная идентификация — важный фактор социального самочувствия и социальной терпимости. Самоотнесением к средним позициям в обществе «индивид утверждает себя в сознании, — пишет Г. Дилигенский, — что ему удалось избежать худшего, опуститься в ряды бедных, обездоленных, не способных прокормить себя и семью»⁷. Впрочем, самоотнесение к средним слоям может выражать и иной тип социального самочувствия, а именно удовлетворенность реальным содержанием жизни, которая обладает позитивным личностным смыслом, несмотря на материальные лишения. При этом необходимо подчеркнуть, что как в первом, так и во втором случае самоотнесение к тому или иному социальному слою играет довольно ограниченную роль в индивидуальном самосознании. Оно актуализируется лишь в ходе опроса и не выступает организующим ориентиром мотивов, цен-

¹ Аргументы и факты. 2010. № 11. С. 9.

² Аргументы и факты. 2009. № 43. С. 12.

³ Носова С.С. Современные макроэкономические проблемы России. М., 2010. С. 30.

⁴ Седов Л. Кошелёк и взгляды на жизнь // Независимая газета, 11.07.2008.

⁵ Римашевская Н. Человек и реформы: Секреты выживания. М., 2003. С. 123.

⁶ Куда идёт Россия... С. 107.

⁷ Дилигенский Г. Люди среднего класса. М., 2002. С. 93.

Кочегарова Т.М.

ностей и поведенческих установок людей. При опросах к среднему классу относят себя сельские жители даже самых неблагополучных регионов России. Деревенский пенсионер справедливо

считает, что раз он «не хуже других» — есть изба, огород, в лесу заготовил дров, засушил грибов, накопал картошки, — то, чем он не средний класс?

**Кочегарова Тамара Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН**

О НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В современной российской периодике происходит процесс подмены научных понятий. Статистическая категория «средний потребительский слой» отождествляется с политэкономической категорией «средний класс». Статья посвящена анализу истоков этого процесса.

Ключевые слова: переходное общество, средние группы по доходам, неустойчивость средних потребительских слоев, гарантии собственнику, незащищённость российского предпринимателя, класс и его основные признаки — классовое самосознание, классовые интересы, классовая солидарность.

Kochegarova T.

ON THE NON-ECONOMIC FACTORS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

In modern Russian periodicals is the process of scientific renaming the. The statistical category «average consumer fiber» is identified with the political economy category of «middle class». The paper analyzes the origins of this process.

Keywords: a transitional society, middle income group, the instability average consumer segments, guarantees the owner, a Russian businessman insecurity, class, and its main features – class consciousness, class interests and class solidarity.

e-mail: sim@isras.ru